

УДК 811.161.1'42-112

## РЕЧЕВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СФЕРЫ СУБЪЕКТА ВОЙСКОВЫХ ГРАМОТ РУБЕЖА XVIII – XIX вв.

*Е.М. Шентухина*

*Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, 400062, Россия*

### Аннотация

В статье представлено лингвистическое описание сферы субъекта войсковых грамот рубежа XVIII – XIX вв. Источником материала послужил архивный фонд «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области. В результате анализа указанных архивных документов (в сопоставлении с войсковыми грамотами середины и второй половины XVIII в.) установлено, что они характеризуются обязательной выраженностью субъекта текста, обусловленной их регулятивной функцией. Субъект эксплицирован в начальной формуле. Её структурная и содержательная вариативность отражает изменения в управленческой организации Войска и в представлении о коллегиальности как её главном принципе.

Автором выявлены тенденции к безличности, объективности (юридически значимые действия субъекта выражены пассивными конструкциями, в которых употреблены возвратные глаголы и краткие страдательные причастия) и стандартизации (утрачивается разнообразие средств, выражающих сферу субъекта, при создании императивной тональности и реализации категории локальности) документного текста.

В результате сделан вывод: динамика в представлении сферы субъекта в войсковых грамотах обусловлена экстралингвистическими (изменение структуры управления Войском) и интралингвистическими (развитие официально-делового стиля русского языка) причинами.

**Ключевые слова:** русский язык, история делового языка, текст, субъект текста, региональные документы, войсковая грамота, Область Войска Донского

### Введение

Статья продолжает лингвистическое описание войсковых грамот из архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1)<sup>1</sup> – основных управленческих документов, которые создавались в канцелярии Области Войска Донского и рассылались по казачьим станицам для ознакомления и исполнения. Уникальность этих источников состоит в том, что они отражают специфику делопроизводства

<sup>1</sup> Станица Михайловская, расположенная в Урюпинском районе Волгоградской области, исторически входила в состав Области Войска Донского – административно-территориальной единицы Российского государства. По описанию архивного фонда, начало деятельности Михайловского станичного атамана относится к 1734 г. (дата установлена ориентировочно по документам фонда). Он осуществлял исполнительную власть в станице, избирался на станичном сборе и находился в ведении Хоперского (Верхнехоперского) сыскального начальства. Михайловский станичный атаман действовал до 1836 г., когда в соответствии с Наказом гражданскому управлению Донского войска от 26 мая 1835 г. было открыто станичное правление (<http://volga.rusarchives.ru/4.shtml>).

на определённой территории России, органично вписываясь в новую для XVIII в. общегосударственную канцелярскую систему при сохранении в своём речевом воплощении приказных традиций (см. [1]).

В трактовке понятия «сфера субъекта текста» (термин Н.С. Ковалёва [2, с. 63–80], соотносимый с такими терминами, как « адресант», «автор» и под.) мы опираемся на работы М.В. Косовой и О.А. Горбань, в которых обоснована целесообразность его использования при изучении современного документного текста и документов более ранних эпох (см. [3, с. 23; 4, с. 163–164; 5, с. 356–357]). Сфера субъекта – «свойство текста эксплицировать присутствие самого субъекта и его отношение к действительности» [4, с. 163], реализующееся посредством речевых и текстовых единиц, выражающих социальные характеристики создателя текста, тональность (модальность), оценочность и другие категории. Именно характеристики субъекта текста (наряду с характеристиками адресата) определяют функцию документа и его жанр (подробнее об этом см. [1]).

В силу такой текстообразующей значимости субъект (автор) документа всегда эксплицируется в войсковых грамотах, однако средства его выражения могут меняться, отражая не только трансформации в системе управления Войском, но и процесс эволюции документных форм.

Одной из основных жанровых характеристик войсковых грамот является их «коллективное авторство» (подробнее см. [6, с. 45–46]). Оно обусловлено, во-первых, традиционной для казачества коллегиальностью принятия решений, которая обеспечивалась такими формами управления Войском, как сбор, круг и др., и наличием изначально выборного войскового правительства, от чьего имени составлялись войсковые грамоты (отметим, что в XVIII в. коллегиальность в управлении постепенно утрачивается); во-вторых, особенностями организации делопроизводства в войсковой и станичных канцеляриях. Так, пишущим выступал войсковой писарь, избираемый из грамотных казаков, кроме него никто не имел права писать и посылать бумаги от Войска [7, с. 46]. В исследуемых нами текстах автор и писец – разные люди: текст либо диктовался войсковому писарю высокопоставленным лицом, либо создавался на основе его рассказа как вторичный; если автор не диктовал, а говорил на заданную тему, то, по мнению А.В. Косивцовой, задача писаря как исполнителя воли автора могла состоять в адекватной трансформации (переложении) устной речи говорящего в письменный текст; таким образом, пишущий являлся «посредником» между автором (диктующим) и адресатом [8, с. 259]. В войсковых грамотах «диктующий» и войсковой писарь представлены в тексте, но определить долю участия каждого из них в создании документа практически невозможно.

Подлинность документов войсковой канцелярии подтверждалась печатью, которая, по-видимому, проставлялась отдельным лицом, о чём свидетельствуют выполненные другим почерком приписки, представляющие собой речевые формулы: *У сеи грамоты наша войска Донскаго печать*<sup>2</sup> или *У сеи грамоты войска Донскаго печать*. Совершая это юридическое действие, служащий канцелярии

---

<sup>2</sup> При цитировании источников применяется упрощённая графика. При этом буквы *ъ, ѿ, і, і* сохраняются. Предлоги и союзы отделяются от последующей словоформы. Выносные буквы даются в строке. Имена собственные – с прописной буквы. Титла раскрываются, соответствующий фрагмент заключается в круглые скобки.

брал на себя определённую ответственность и, следовательно, становился соавтором документа.

Ранее мы сопоставляли войсковые грамоты 30–40-х и 80-х годов XVIII в. (см. [9]). В частности, были установлены сходства и различия в выражении субъекта текста, отражающие некоторые тенденции в развитии данного жанра.

Сходство проявляется в прямом назывании субъекта посредством устойчивого, клишированного оборота, например:

- (1) *От Донских атаманов и казаков от г(оспо)діна воискового наказного атамана Степана Даниловича и от всего воиска Донскаго* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 6).

В его состав, как видим, входят лексические единицы, обозначающие, во-первых, должностное лицо и его статус, во-вторых, совокупность лиц и их статус, а кроме того, антропони́мы. Сходство обнаруживается также в использовании лексических и грамматических средств, выражающих в тексте модальные значения волеизъявления (компонент прагматической модальности) и необходимости (составляющая пропозициональной модальности)<sup>3</sup> и формирующих тем самым императивную тональность документа [11]. Модальное значение волеизъявления выражено лексически – глаголами *предписать, изволить, приказать, велеть*, обозначающими приказание как волеизъявление высокой степени категоричности, и грамматически – перформативным употреблением форм прошедшего времени. Модальное значение необходимости выражено конструкциями с независимым инфинитивом, сочетанием глагола прошедшего времени в значении волеизъявления с формой зависимого инфинитива. Реализация модальных значений, создающих императивную тональность, обусловлена статусными характеристиками субъекта.

Различия связаны с тем, что в войсковых грамотах 30–40-х годов XVIII в. активно употребляются именные и глагольные формы 1 л. мн. ч. (личные местоимения в различных падежных формах: *мы, намъ, к намъ, от нас*; соответствующие им притяжательные местоимения: *наша, нашимъ*; «канонический» перформатив – формы 1 л. наст. вр. *объявляемъ* и *предлагаемъ* ‘предписываем’), тогда как в войсковых грамотах 80-х годов XVIII в. такие единицы не употребляются, но используются слова и словосочетания, называющие учреждение, выполняющее определённые управленческие функции (*войсковая канцелярия*), и глагольные формы прошедшего времени, обозначающие юридически значимые действия (однако сообщается о таких действиях от третьего лица и посредством неопределённо-личной конструкции). Изменяется частотность употребления топонима *Черкасский*, локализирующего субъект текста.

Выявленные различия отражают разнонаправленные тенденции – к индивидуализации субъекта войсковой грамоты и к объективности, «безличности» документного текста, что связано с развитием административного управления в Области Войска Донского и формированием новой функциональной парадигмы русского языка.

---

<sup>3</sup> В исследовании принята трактовка содержания модальности, предложенная в работах С.С. Ваулиной (см., например, [10]).

Результаты, описанные в предыдущих работах, важны для настоящей статьи, поскольку в центре исследовательского внимания в ней – войсковые грамоты рубежа XVIII – XIX вв. Как представляется, описание этих источников было бы неполным без учёта динамики речевого воплощения сферы субъекта в других текстах рассматриваемого жанра.

В количественном отношении войсковые грамоты этого временного среза единичны: например, в деле 128 (1798 г.) их четыре, в деле 130 (1799 г.) – три. Согласно описи анализируемого архивного фонда<sup>4</sup>, последняя войсковая грамота, хранящаяся в нём, датируется 1800 г. С этого времени документы рассматриваемого жанра вытесняются приказами, за которыми и закрепляется функция основных управленческих документов на территории Области Войска Донского.

С целью выявления изменений в речевом представлении сферы субъекта в войсковых грамотах рубежа XVIII – XIX вв. отдельно охарактеризуем средства её репрезентации в разных композиционных частях документа.

### 1. Начальная формула войсковой грамоты

На рубеже XVIII – XIX вв. грамматическое и лексическое наполнение начальной формулы войсковых грамот, в которой эксплицируется субъект (адресант, автор) текста, существенно изменяется по сравнению с такими периодами, как 30–40-е и 80-е годы XVIII в.

В более ранних войсковых грамотах она стабильно воспроизводилась и включала следующие элементы, указывающие на «коллективное авторство» и коллегиальность управления Войском:

- однородные члены предложения в форме род. п. с предлогом *от* (существительные, обозначающие социальный статус лиц, имя, отчество и фамилия войскового атамана, сочетание *Войско Донское*);
- определительное местоимение *все* (подробную характеристику начальной формулы см. [9, с. 50, 53; 12, с. 79]).

Например, в грамотах 1735 г.:

- (2) *От донских атаманов и казаков от войскового определенного до указу атамана Ивана Ивановича сына Фролова и от всего Войска Донскаго* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2);
- (3) *От донских атаманов и казаков от г(осподи)на войскового атамана Данила Ефремовича і от всего Войска Донскаго* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3);
- (4) *От донских атаманов и казаков от г(осподи)на войскового атамана Алексея Гловаиского і от всего Войска Донскаго* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 5) и мн. др.

В грамотах 1798–1799 гг. начальная формула представлена тремя вариантами. Во-первых, в грамоте от 3 января 1798 г. обнаруживается почти полное воспроизведение устойчивого оборота в традиционном речевом воплощении:

---

<sup>4</sup> См. на официальном сайте Государственного архива Волгоградской области ([http://volga.rusarchives.ru/332\\_1\\_1.shtml](http://volga.rusarchives.ru/332_1_1.shtml)).

- (5) *От донскихъ атамановъ и казаковъ от генераль маиора войскового атамана, и кавалера василья арлова и войска донскаго* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 1).

Однако в составе формулы не употреблено местоимение *все*. Его отсутствие представляется нам значимым. Эта языковая единица, как и другие элементы формулы, несла на себе смысловую нагрузку, определяя адресанта как всё Войско, указывая на то, что атаман и войсковое правительство действуют от имени всех атаманов и казаков. Местоимение *все* отражает специфику изначально существовавшей социальной организации казачьей военизированной общины XVI – XVII вв., в которой «горизонтальные социальные связи преобладали над вертикальными и иерархическая система власти была относительно слабой» [13, с. 131]. «Символической основой архаической формы демократии казачьих сообществ являлось представление о сохранении общей доли, символического общеправительственного сосуда – гаранта существования всего братства, а уже затем – и отдельных его членов», – отмечает М.А. Рыблова [13, с. 131]. Следовательно, отсутствие *все* в составе клишированного оборота, регулярно воспроизводимого в каждой из сохранившихся в фонде войсковых грамот вплоть до 1798 г., свидетельствует о разрушении этой речевой формулы.

Во-вторых, в грамотах 1798–1799 гг. начальная формула может быть редуцирована:

- не представлены элементы, определяющие статус лиц, не назван войсковой атаман, отсутствует определительное местоимение *все*;
- указание на субъект (адресант) текста осуществляется только посредством словосочетания *Войско Донское*, компоненты которого употреблены в форме род. п. с предлогом *от*.

Примеры:

- (6) *Грамота отъ Войска Донскаго* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 77);  
(7) *Грамота от Войска Донскаго* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 29).

Кроме того, в состав формулы регулярно включается название документа – *грамота*, что отличает рассматриваемые войсковые грамоты от документов этого жанра, созданных в более раннее время.

В-третьих, в исследуемом материале представлены войсковые грамоты, в которых начальная формула отражает существенные изменения в содержательном наполнении её компонентов:

- (8) *Грамота войска донскаго изъ войсковой канцелярии* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 42);  
(9) *Грамота войска донскаго из войсковой канцелярі* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 57);  
(10) *Грамота войска донскаго из войскового гражданскаго правителства* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 44).

В качестве субъекта (адресанта) текста определены учреждения, которые выполняют ряд функций по управлению войском: *войсковая канцелярия*, *войсковое гражданское правительство*. Изменена грамматическая форма существительных, обозначающих такие учреждения (род. п. с предлогом *из*). Словосочетание

*Войско Донское* употреблено в форме род. п. без предлога, что создаёт возможность его двоякой интерпретации, поскольку оно может соотноситься либо с субъектом (адресантом) текста, представляя его как коллективный, неперсонафицированный, либо с названием документа, указывая на локализацию документа, определяющую границы его действия.

Изменение структуры клишированного оборота, характеризующего субъект (адресант) документа, отражает тот факт, что коллегиальность управления Войском, находившая речевое воплощение в традиционной начальной формуле грамот, в значительной степени была уже утрачена. В частности, в первой половине XVIII в. стал терять свою значимость казачий круг как особая форма управления и активно развивался процесс вхождения Войска в структуры Российского государства. Так, в 1740-е годы была создана Войсковая канцелярия, имевшая гражданскую, уголовную и воинскую части. В соответствии с реформами, проведёнными князем А.А. Потёмкиным, с 1775 по 1786 г. действовало войсковое гражданское правительство, состоявшее из войскового атамана, четырёх выборных и двух назначенных старшин. В ведении этого органа управления находились хозяйственные дела, формирование местного бюджета, сбор налогов, пошлин и податей, контроль промыслов и торговли, а также гражданское судопроизводство. В 1797 г. императором Павлом I был подписан рескрипт на имя войскового атамана В.П. Орлова «О восстановлении в Войске Донском прежнего образа правления», возобновивший деятельность войсковой канцелярии при войсковом атамане, в которой участвовали все старшины, однако последовавшие за манифестом указы значительно ограничили сферы её деятельности (подробно о системе управления на территории Войска Донского см., например, [14, т. II, ч. 1, с. 94–97; 15, с. 228–230; 16–18]).

Итак, в речевом воплощении субъекта войсковых грамот обнаруживается структурная и содержательная вариативность, обусловленная изменениями в управленческой организации Войска и в представлении о коллегиальности, коллективности как её главном принципе.

## **2. Информирющая и предписывающая части войсковой грамоты**

В рассматриваемых документах рубежа XVIII – XIX вв. в информирующей и предписывающей частях также выявлены существенные изменения по сравнению с войсковыми грамотами, созданными в 30–40-х и 80-х годах XVIII в.

Они обнаруживаются прежде всего в употреблении глагольных форм: совершаемые субъектом (адресантом) юридически значимые действия, как правило, выражены пассивными конструкциями, в которых использованы возвратные глаголы настоящего времени 3 л. ед. ч. (*предписуется, предписывается, поручается*) и краткие страдательные причастия (*посланы, писано, приказано, дано, учинено*), среди которых частотны формы ед. ч. ср. р. Замена широко употребительных в текстах войсковых грамот 30–40-х и 80-х годов XVIII в. перформативов 1 л. мн. ч. наст. вр. (*объявляемъ, полагаемъ*) на краткие страдательные причастия и возвратные глаголы при обозначении юридически значимых действий отражает тенденцию к безличности как проявлению объективности документного текста.

Однако в предписывающей части документа содержится указание на коллегиальность принятого решения и эксплицируется «коллективный» субъект текста – называется официальное учреждение, обеспечивающее управление Войском:

- (11) *в присудствіи в войсковой канцелярїи приказано* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 57);
- (12) *въ донской канцелярїи приказано* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 77);
- (13) *в присудствіи сего правительства приказали* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 44 об.).

При репрезентации сферы субъекта посредством создания императивной тональности текста в рассматриваемых документах рубежа XVIII – XIX вв. реализуется тенденция к выходу из активного употребления независимого инфинитива<sup>5</sup> и закреплению формы зависимого инфинитива в качестве основного средства выражения модального значения необходимости, например:

- (14) *и сею грамотою **предписывается** всемъ подведомственныхъ вамъ слобъ и хуторовъ жителямъ, строжайше **подтвердить** <...> о чемъ о всемъ и **поручается** собственно вамъ **иметь** строгое и неослабное наблюдение* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 57);
- (15) ***приказано послать** к вамъ сию грамоту и **велеть** <...> отправить в слободское управление губернского правление* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 77);
- (16) ***приказали послать** и вам сию грамоту и **велеть** всемъ жителямъ **подтвердить** чтоб оне приняли от того скотского надежа должную предосторожность* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 44 об.);
- (17) *по войсковому положению за добропорядочно служение дано льготы на один годъ; о чемъ вамъ станицному атаману и казакам сего **дается знать*** (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 9).

Модальное значение необходимости совмещается здесь со значением волеизъявления, которое выражается лексически – глаголами *предписывать, поручать, приказать, велеть*, обозначающими приказание как волеизъявление высокой степени категоричности, и грамматически – перформативным употреблением форм 3 л. наст. вр. при безличном использовании возвратного глагола, форм прошедшего времени или страдательного причастия прошедшего времени.

В войсковых грамотах 1798–1799 гг. волеизъявление выражается также глаголами немодальной семантики (*послать, учинить* ‘сделать’), которые приобретают данное значение в контексте:

- (18) *а о сем же и во все протчіе ведомства войска донскаго станицы особыми грамотами публикованіе **учинено*** (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 29);
- (19) *равномерные жъ сему повелению **посланы** из войсковой канцелярїи и во все протчіе по ведомству войска донскаго места* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 57);
- (20) *а о сем же и в протчіе места таковыя ж повеления **посланы*** (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 44 об.).

---

<sup>5</sup> Конструкции с независимым инфинитивом представлены единичными употреблениями, например: *и что окажется в войсковую канцелярию **прислать** рапортъ* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 1).

Рассылка документов, содержащих приказ (*повеление*), обнародование решения (*публикование*), является актом волеизъявления. Кроме того, реализация модальных значений, создающих императивную тональность, обусловлена статусными характеристиками субъекта.

Отметим, что в отличие от грамот середины и второй половины XVIII в. в грамотах 1798–1800-х годов нет контекстуальных уточнителей безусловной необходимости выполнения распоряжения, содержащегося в документе (*непреренно, накрепко, бѣзо всякого отрицания* и под.).

В репрезентации сферы субъекта текста, как отмечает О.А. Горбань, участвуют некоторые средства, реализующие категорию локальности (текстового пространства): «Субъект является точкой отсчёта в пространственной “системе координат”, по отношению к нему даётся локальная ориентация описываемых действий» [5, с. 358]. Для войсковых грамот такой пространственной «точкой отсчёта» является топоним *Черкасский* – название административного центра Области Войска Донского, где размещались войсковой атаман, органы управления (войсковое правительство, войсковая канцелярия). В грамотах середины XVIII в. данная языковая единица является средством локализации субъекта (адресанта) текста:

- (21) *писал к намъ воиску донскому в черкаской; прислатъ под караулом к намъ воиску донскому в черкаской для отсылки; к намъ же воиску донскому в черкаской репортовать; писана в черкаскомъ* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2) и мн. др.

В грамотах 80-х годов XVIII в. лексема используется только в завершающей части текста и выполняет функцию реквизита «место составления документа»:

- (22) *Черкаскъ 1783 года февраля 20 дня* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 42);  
(23) *писана в благополучномъ городе Черкаске 1783 года декабря 5 дня* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 71 об.).

В грамотах рубежа XVIII – XIX вв. топоним *Черкасский* представлен единственным употреблением (1798 г.) и не может рассматриваться как регулярное средство выражения сферы субъекта текста:

- (24) *писано в черкаскомъ, мая 28 дня 1798<sup>20</sup> года* (ГАВО. Ф. 332. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 57).

Итак, речевое воплощение сферы субъекта войсковых грамот рубежа XVIII – XIX вв. реализует тенденцию к безличности документного текста как проявлению его объективности; обнаруживается уменьшение разнообразия средств репрезентации субъекта текста, что, по-видимому, отражает процесс стандартизации документов.

### Выводы

Войсковые грамоты рубежа XVIII – XIX вв. характеризуются обязательной выраженностью субъекта (адресанта) текста, что обусловлено регулятивной функцией этих документов. Субъект эксплицирован в начальной формуле,



структурная и содержательная вариативность которой отражает изменения в управлении Войском и в представлении о коллегиальности, коллективности как её главном принципе.

Рассмотрение экспликации сферы субъекта войсковых грамот Области Войска Донского в сопоставлении трёх временных срезов: середины (1730–1740-е годы), второй половины XVIII в. (1780-е годы), а также рубежа XVIII – XIX вв. (1790–1800-е годы) – позволило выявить некоторые направления изменений (новации) в её речевом воплощении. Во-первых, обнаружена тенденция к безличности как проявлению объективности документного текста: юридически значимые действия субъекта, как правило, выражены пассивными конструкциями, в которых употреблены возвратные глаголы и краткие страдательные причастия. Во-вторых, проявляется тенденция к уменьшению разнообразия средств выражения сферы субъекта при создании императивной тональности текста: выходят из активного употребления конструкции с независимым инфинитивом, формы зависимого инфинитива закрепляются в качестве основного средства выражения модального значения необходимости, не используются контекстуальные уточнители безусловной необходимости выполнения распоряжения, содержащегося в документе. Перестают функционировать в указанном качестве лексемы, реализующие категорию локальности. Такие изменения объясняются, вероятно, необходимостью стандартизировать документный текст с целью облегчения восприятия необходимой информации.

Динамика в представлении сферы субъекта войсковых грамот на протяжении XVIII в., таким образом, обусловлена рядом причин: *экстралингвистических*, связанных с созданием управленческих структур Войска как административно-территориальной единицы Российского государства, и *интралингвистических*, сопряжённых с развитием официально-делового стиля, выразившимся в формировании таких его свойств, как объективность и стандартизованность.

**Благодарности.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области (проект № 16-14-34004).

#### Источники

ГАВО – Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1. Михайловский станичный атаман (1734–1837). 158 ед. хр.

#### Литература

1. Горбань О.А., Ильинова Е.Ю., Косова М.В., Шептухина Е.М. Жанровые особенности войсковых грамот середины XVIII века (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Изв. Урал. фед. ун-та. Сер. 2. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 18, № 4. – С. 182–199. – doi: 10.15826/izv2.2016.18.4.074
2. Ковалёв Н.С. Древнерусский летописный текст: принципы образования и факторы эволюции. – Волгоград: ВолГУ, 2001. – 180 с.
3. Косова М.В., Кулько О.И. Субъект документного текста: семантика и способы представления // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2011. – Т. 10, № 2. – С. 23–28.

4. *Косова М.В.* Субъективность как компонент модальности документного текста // Категория модальности в речевой коммуникации: Сб. науч. тр. / Под ред. И.Ю. Куксы. – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2016. – С. 162–168.
5. *Горбань О.А.* Особенности выражения субъекта текста в региональных документах XVIII века // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 2. – С. 356–360.
6. *Шептухина Е.М., Герасимова И.С.* Языковые средства реализации текстовых категорий в региональных деловых документах XVIII в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – Т. 156, кн. 5. – С. 41–51.
7. *Агафонов А.И.* История Донского края (XVI – первая половина XIX в.): источники и их историческое изучение. – Ростов-н/Д: Приазовский край, 2001. – 386 с.
8. *Косивцова А.В.* Лингвопрагматический анализ языковой личности заводчика Н.А. Демидова (на материале частно-деловых писем XVIII в.) // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 258–264.
9. *Шептухина Е.М.* Сфера субъекта региональных документов XVIII века: динамический аспект // Науч. диалог. – 2017. – № 1. – С. 46–59.
10. *Ваулина С.С., Кукса И.Ю.* Модальность предложения – модальность текста: актуальные аспекты изучения // Модальность как семантическая универсалия: Сб. науч. тр. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2010. – С. 25–34.
11. *Шептухина Е.М., Горбань О.А.* Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2015. – Т. 14, № 5. – С. 7–18. – doi: 10.15688/jvolsu2.2015.5.1
12. *Горбань О.А., Шептухина Е.М.* Региональные документы XVIII в.: аспекты лингвистического описания // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2. Языкознание. – 2013. – Т. 12, № 3. – С. 76–84.
13. *Рыблова М.А.* Атаманская власть в казачьих сообществах на Дону (XVI – XVIII вв.) // Власть. – 2008. – № 11. – С. 129–132.
14. *Лишин А.А.* Акты, относящиеся к Истории Войска Донского: в 4 т. – Новочеркасск: Тип. А.А. Карасёва, 1894. – Т. 2, ч. 1. – XXXII, 368, XXIII с.
15. *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII в. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1961. – 377 с.
16. *Агафонов А.И.* Донское дворянство в конце XVIII – первой половине XIX века // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – начало XX в.). – Ростов-н/Д: Изд-во РГУ, 1992. – С. 21–39.
17. *Рыблова М.А., Рвачева О.В.* Системы казачьего управления на территории Войска Донского: история и современное состояние // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2010. – Т. 15, № 1. – С. 179–184. – doi: 10.15688/jvolsu4.2010.1.23
18. *Былкова С.В., Кочетова А.С.* Организация делопроизводства в Войсковой канцелярии Войска Донского // Молодой учёный. – 2017. – № 22. – С. 26–27.

Поступила в редакцию  
05.06.17

---

**Шептухина Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии

Волгоградский государственный университет  
пр-т Университетский, д. 100, г. Волгоград, 400062, Россия  
E-mail: [em\\_sheptukhina@volsu.ru](mailto:em_sheptukhina@volsu.ru)

**Linguistic Representation of the Subject Sphere  
in Military Charters at the Turn of the 18th – 19th Centuries***E.M. Sheptukhina**Volgograd State University, Volgograd, 400062 Russia**E-mail: em\_sheptukhina@volsu.ru*

Received June 5, 2017

**Abstract**

The paper discusses the linguistic description of the subject sphere in military charters, the main management documents, created in the registry office of Don Host province (*Oblast' Voiska Donskogo*) at the turn of the 18th – 19th centuries. The materials for the study have been taken from the archive of the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive (State Archive of Volgograd region, fund 332, inventory 1, 158 items, 1734–1837). The term “subject sphere of the text” defines the text property to explicate the presence of the subject and its relation to reality, which is actualized through speech and textual units expressing social characteristics of the text creator, the tonality (modality), and some other categories.

The analysis of verbal realization of the subject sphere in the military charters at the turn of the 18th – 19th centuries in relation to military charters of the middle and the second half of the 18th century has shown that these documents are characterized by the obligatory expression of the text subject due to their regulatory function. The subject is explicated in the initial formula. Its structural and substantial variability reflects changes in the management organization of the Don Army and states it that collegiality used to be the fundamental principle of management.

A tendency to impersonality reflected in the documents under study, objectivity of the document text has been found: legally relevant actions of the subject are expressed in passive constructions with reflexive verbs and short passive participles.

A tendency to standardization of the document text is manifested in the decrease of language means diversity that is supposed to represent the subject sphere used to create the imperative tone of the text, as well as in the loss of the ability of lexemes with local value to indicate the subject of the text.

The dynamics in the representation of the subject sphere in the military charters depends on a set of extralinguistic factors: changes in the Don Army management structures seen as a territorial unit of the Russian state and intralinguistic reasons, i.e., development of the official style of the Russian language.

**Keywords:** Russian language, history of Russian official language, text, subject of text, regional documents, military charter, Don Host Province

**Acknowledgments.** The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of Volgograd region (project no. 16-14-34004).

**References**

1. Gorban' O.A., Il'inova E.Yu., Kosova M.V. Genre characteristics of military charters in the middle of the 18th century (with reference to the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive). *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 18, no. 4, p. 182–199. doi: 10.15826/izv2.2016.18.4.074. (In Russian)
2. Kovalev N.S. Old Russian Chronicle Text: Education Principles and Evolution Factors. Volgograd, VolGU, 2001. 180 p. (In Russian)
3. Kosova M.V., Kul'ko O.I. The subject of documentary text: Semantics and methods of representation. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2011, vol. 10, no. 2, pp. 23–28. (In Russian)

4. Kosova M.V. Subjectivity as a modality component in the document text. *Kategoriya modal'nosti v rechevoi komunikatsii* [Modality Category in Speech Communication]. Kuksa I.Yu. (Ed.). Kaliningrad, BFU im. I. Kanta, 2016, pp. 162–168. (In Russian)
5. Gorban' O.A. Expression of the subject of the text in the regional documents of the 18th century. *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, 2015, no. 2, pp. 356–360. (In Russian)
6. Sheptukhina E.M., Gerasimova I.S. Language means of implementation of text categories in regional documents of the 17th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2014, vol. 156, no. 5, pp. 41–51. (In Russian)
7. Agafonov A.I. The History of Don Region (From 16th to the First Half of the 19th Century): Sources and Historiographical Research on Them. Rostov-on-Don, Priazovskii krai, 2001. 386 p. (In Russian)
8. Kosivtsova A.V. Lingvopragmatic analysis of the language personality of the industrialist N.A. Demidov (based on the material of private and business letters of the 18th century). *Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2008, no. 1, pp. 258–264. (In Russian)
9. Sheptukhina E.M. The sphere of the subject of regional documents of the 18th century: Dynamical aspect. *Nauchnyi Dialog*, 2017, no. 1, pp. 46–59. (In Russian)
10. Vaulina S.S., Kuksa I.Yu. Sentence modality – text modality: Important aspects of research. *Modal'nost' kak semanticheskaya universal'niya* [Modality as a Semantic Universal]. Kaliningrad, RGU im. I. Kanta, 2010, pp. 25–34. (In Russian)
11. Sheptukhina E.M., Gorban' O.A. Don Cossack army charters of the middle of the 18th century via the category of modality. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2015, vol. 14, no. 5, pp. 7–18. doi: 10.15688/jvolsu2.2015.5.1. (In Russian)
12. Gorban' O.A., Sheptukhina E.M. Regional documents of the 18th century: Aspects of linguistic analysis. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2013, vol. 12, no. 3, pp. 76–84. (In Russian)
13. Ryblova M.A. Ataman rule in the Cossack communities of Don (16th – 18th centuries). *Vlast'*, 2008, no. 11, pp. 129–132. (In Russian)
14. Lishin A.A. Regulations Related to the History of the Don Army. Vol. 2. Pt. 1. Novocheerkassk, Tip. A.A. Karaseva, 1894. XXXII, 368, XXIII p. (In Russian)
15. Pronshtein A.P. Don Land in the 18th Century. Rostov-on-Don, Izd. Rostov. Univ., 1961. 377 p. (In Russian)
16. Agafonov A.I. Problems of Socioeconomic History and Revolutionary Movement in the Don and North Caucasian Regions (19th – Early 20th Century). *Donskoe dvoryanstvo v kontse XVIII – pervoi polovine XIX veka* [The Don Nobility in the Late 18th – First Half of the 19th Century]. Rostov-on-Don, Izd. RGU, 1992, pp. 21–39. (In Russian)
17. Ryblova M.A., Rvacheva O.V. Systems of Cossack administration on the land of the Don army: History and current state. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya, Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2010, vol. 15, no. 1, pp. 179–184. doi: 10.15688/jvolsu4.2010.1.23. (In Russian)
18. Bylkova S.V., Kochetova A.S. Document management in the Military Registry of the Don Army. *Molodoi Uchenyi*, 2017, no. 22, pp. 26–27. (In Russian)

Для цитирования: Шептухина Е.М. Речевая репрезентация сферы субъекта войсковых грамот XVIII – XIX вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1175–1186.

For citation: Sheptukhina E.M. Linguistic representation of the subject sphere in military charters at the turn of the 18th – 19th centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1175–1186. (In Russian)